

под залог земли, не зная, как потом выгодно избавиться от нее. К этим причинам можно добавить законодательную нерешенность этого вопроса и сильную оппозицию его решения. Тем не менее данное обстоятельство лишь подчеркивает формальность статуса частной земельной собственности.

5. Отсутствие нормальной рыночной оценки земельной собственности из-за отсутствия единого земельного кадастра, упадка сельскохозяйственного производства и падения экономического интереса к обработке земли. Сельскохозяйственные земли в функционирующей рыночной экономике являются достаточно дорогим товаром и выгодным вложением финансовых средств. Государство считает необходимым достаточно жестко регулировать цены на землю, понимая, что значительные колебания в ту или иную сторону чреваты негативными процессами. В основе такого регулирования лежат отлаженные многими десятилетиями, даже столетиями, данные земельных кадастров. В России нет единого земельного кадастра, отсутствует и значимый спрос на сельскохозяйственные земли со стороны производителей, без которого не может сформироваться достойная рыночная цена земли как главного ресурса аграрного производства. Данное обстоятельство завершает картину частной земельной собственности в России как псевдо- или лжечастной собственности.

Другим проявлением псевдорыночных преобразований в аграрном секторе является политика создания фермерских (крестьянских) хозяйств, которые первоначально рассматривались как основа будущего рыночного сельского хозяйства. Лишенные достаточной финансовой, материальной, технической, информационной, сбытовой поддержки, сталкиваясь с массовым бюрократизмом чиновников, рэкетом, эти псевдорыночные хозяйства во многих случаях являются номинальными производственными единицами, носят полунатуральный характер. По оценкам АККОР, из 270 тыс. крестьянских хозяйств 150 тыс. превратились в личные подсобные хозяйства, владельцы которых существуют за счет других источников доходов, и лишь 15% хозяйств, владеющих 60% земли и производящих ещё большую долю продукции, действительно стали настоящими, эффективными рыночными фермами. Примерно такие же печальные результаты получены в результате преобразования колхозов и совхозов в акционерные и другие хозяйственные общества и товарищества: лишь в 10–15% хозяйств полностью урегулированы отношения собственности. Как правило, именно эти хозяйства показывают и лучшие финансовые результаты. Массовая убыточность и неплатежеспособность всех других, продолжающееся разворовывание говорят о том, что и здесь происходят в основном лжерыночные преобразования.

Псевдорыночный характер носит и существующая практика финансирования аграрного сектора, имеющая мало общего с действительным финансированием непосредственных производителей. В отличие от любой рыночной экономики, где сфера кредитования носит конкурентный характер (например, в США фермеров кредитуют 472 специализированных банка), в России эта сфера монополизирована всего одним (СБС-Агро), навязывающим свои условия по кредитам. Скучные бюджетные средства, идущие на поддержку сельского хозяйства, являются объектом массовой коррупции и распределяются не в соответствии с рекомендациями экономической науки и возможностью максимальной отдачи, а исходя из корыстных интересов отдельных лиц. Не случайно сельское хозяйство рассматривается как одна из "черных дыр" экономики, где пропадают финансовые ресурсы.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что конкретные экономические процессы, происходящие в экономическом секторе, представляют собой аномалии экономического развития, порождающие множество лжерыночных форм, внешние характеристики которых часто скрывают их глубоко антирыночную сущность. На наш взгляд, эти псевдорыночные структуры нельзя считать переходными формами, неизбежными на пути от командной экономики к рыночной. Это, скорее, тупиковые формы движения к новому обществу, появление которых свидетельствует о допущенных в аграрной политике ошибках и просчетах. Постепенное преодоление, изживание этих форм будет носить длительный, болезненный, социально напряженный характер. Сложность ситуации состоит в том, что именно эти формы преобладают, доминируют в аграрных преобразованиях, часто дискредитируя в умах людей позитивные идеи, вызывая их стойкое неприятие. Однако все произошедшее уже стало историей, которую мы не в силах изменить. Остается только объективно оценить его и сделать выводы, чтобы избежать подобных ошибок в будущем.

Часть II. Социальная адаптация населения к рынку в условиях трансформационного спада

Раздел 1. Адаптация к свободе

Глава 8. Трансформация свободы и проблемы институционализации новых прав

Постановка проблемы

Пафос социально-экономических преобразований, начатых по инициативе верхов, как известно, состоял в переходе к более свободному и процветающему обществу, где было бы больше возможностей для развития личности по законам ее собственной жизнедеятельности. Исходя из весьма распространенного мнения об отсутствии свободы в коммунистическом обществе, ожидалось, что закрепощенный (и, что немаловажно, страдающий от этого) российский народ стремится к свободе. Причем к свободе непременно западного образа (иначе какая же это свобода?!), а значит, к такой свободе, которая в сферу экономики придет в виде рынка, а в неэкономические сферы – в виде демократического общества.

Задуманный переход к новой общественной системе не мог произойти без изменения базовых социальных институтов (экономических, политических, культурных). Пришедшие к власти реформаторы начали с самого для них доступного – с системы права как части социальных норм и отношений, которая декларируется государством и охраняется его силой. Были провозглашены (и начали реализовываться!) новые права и свободы, исчезли (ослабились) многие административно-командные ограничения. Все это существенно изменило систему общественных отношений, а вместе с ними и "ролевую карту" российского общества.

Как следует из содержания новых прав, стержневым аспектом этого изменения призвано было стать **увеличение уровня независимости и самостоятельности социальных субъектов** как необходимых условий и существенных признаков свободы в ее западной интерпретации. На практике этому способствовали вполне конкретные **изменения в ролевой системе общества**, призванные раздвинуть институционально-правовые рамки для проявления индивидуальности и свободы, в частности:

- *в новых условиях возросло многообразие социальных ролей*: появились новые экономические (роль акционера, собственника, рантье и др.) и профессиональные роли, расширился диапазон ролевого выбора; одна и та же жизненная цель, в принципе, теперь может достигаться большим числом способов – через выполнение нескольких социальных ролей, взаимозаменяющих или взаимодополняющих друг друга;

- *уменьшилась степень регламентации в выполнении прежних социальных ролей*, зависимость их содержания от одного или нескольких правителей, возросла степень самостоятельных, инициативных действий в выполнении ряда социальных ролей (как экономико-производственных, так и непроизводственных). В самом деле, в ряде отраслей государство больше не фиксирует размеры заработной платы, расценки, объем и ассортимент продукции. Гораздо меньше регламентируется непроизводственная сфера: например, сегодня учитель вправе не следовать слепо тем или иным инструкциям "сверху", как это было прежде, а может выбирать между несколькими программами; он может создать частную школу, не говоря уже о том, что его деятельность стала менее политизированной. Реже и меньше регламентируется деятельность работников СМИ, и др. Расширился выбор товаров и услуг, не стало очередей и талонов и пр.;

- *изменился "порядок допуска" к тем или иным социальным ролям, уменьшилось число формальных ограничителей при их получении*. Ушла в прошлое необходимость членства в КПСС для успешной карьеры; народным депутатом любого уровня или руководителем предприятия (организации, фирмы) могут теперь стать (и становятся) более молодые люди, независимо от их членства в КПСС и разного рода "общественных нагрузок". Ослабла зависимость числа ролей и ролевых характеристик от властей разного уровня. Так, можно одновременно выполнять несколько профессиональных ролей безо всякого разрешения с места основной работы и не прибегая к разного рода уловкам (вторые трудовые книжки, услуги "подставных лиц", личные договоренности с начальством на дополнительных местах работы и др.). Покончено с обязательным для всех трудом и преследованием за туеядство, обязанностью принимать участие в жизни коллектива (выполнять общественные и партийные поручения). Расширилось территориальное пространство реализации определенных ролей (с меньшим числом формальностей можно выехать или съездить за рубеж, разрешительный характер прописки меняется на регистрационный, открылись многие из ранее "закрытых" городов и др.);

- *стало больше формальных (законных) возможностей для протестных действий в случае нарушения ролевых обязательств руководителями разных уровней по отношению к рядовым работникам или согражданам* (забастовки, митинги, акции протеста, возможность выбора депутата из нескольких претендентов и др.);

- *меняется "дух" ролевой системы*: все большее место в ней занимают "достижительные" элементы по сравнению с предписанными¹.

Разумеется, некоторые из этих ролевых изменений пока еще только зарождаются, другие слегка проявляются в реальной жизни (так что типичное для этих ролей поведение пока еще окончательно не оформилось), третьи же, напротив, уже стали полноправным элементом институционально-правовой системы. Но, так или иначе, первые шаги по переходу к западной социетальной свободе уже сделаны, и направление движения именно таково, что, зародившись за пределами инициативы и решений большинства членов российского общества, все эти изменения *социетального* уровня призваны были повысить уровень

¹ Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Политич. исслед. 1996. №6. С. 52–64; Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С.3–32.

индивидуальной свободы через один очевидный, с точки зрения западной общественной традиции, механизм – дать индивидам возможность стать более независимыми и самостоятельными.

И большинство индивидов сегодня действительно демонстрируют очень высокую степень включения в **самостоятельные** социальные действия по адаптации к новым условиям, без опоры на помощь властей. Так, 84% респондентов признали, что сегодня чаще, чем до реформ, им приходится рассчитывать на свои силы, а не на помощь или гарантии извне; совсем немногим помогают справляться с имеющимися трудностями центральные или местные органы власти (по 1% соответственно) или руководители предприятия (3%).

Все эти эмпирические факты (как на социальном, так и на индивидуальном уровне), в принципе, могли бы истолковываться как победоносное шествие российского общества к более свободному, если бы не одно "но". Как показали данные серии наших эмпирических обследований, проведенных в восточных регионах страны в 1995–1999 гг.², в новых условиях уровень индивидуальной свободы у весьма многочисленной части населения не увеличился, а, напротив, уменьшился. В сельской местности и небольших городах эта часть особо велика и устойчиво достигает 68–73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции в настоящее время она достигает почти половины (47% против 18% повысивших уровень своей свободы в новых условиях). Многие, включившись в самостоятельные социальные действия, либо совсем не воспользовались новыми правами, либо, хотя и воспользовались, не достигли своих целей.

Разочарование новыми условиями, индифферентность к новым правам сегодня чаще всего трактуется как "неготовность к свободе", "неспособность быть свободными, нести бремя взрослого человека", "бегство от свободы", "крах либеральных реформ", как обреченность российских граждан на вечную несвободу. Но действительно ли это так? А если и так, то можно ли как-то приостановить столь сильное "бегство" от "западной" институционально-правовой свободы? И нужно ли это делать?! Или, быть может, в современных условиях на социальном уровне формируется какая-то иная, отличная от провозглашенной свобода? Какая она? Какие смысловые образы свободы (индивидуальной и социальной) сегодня в нашем обществе наиболее распространены? Какие элементы в них преобладают – экономические, политические или какие-то еще? Как часто на практике используются (а если не используются, то почему) новые социально-экономические и политические права для увеличения (сохранения) индивидуальной свободы? И каковы, исходя из этого, возможные перспективы институционализации и интернализации этих прав и движения российского общества к более свободному?

Особенности методологического подхода

Предлагаемая "версия" *социологического видения свободы* базируется, во-первых, на том, что **начатые общественные преобразования по-разному сказались на уровне свободы разных социальных групп**. Прежде всего, потому, что каждая социальная группа, занимая определенные позиции в социальной структуре общества, может включиться и включается (желают того или не желают ее представители) в ограниченные социальные отношения. В частности, разные группы существенно различаются возможностями влиять на вновь провозглашаемые права (отношения), которые впоследствии будут обязательны для исполнения, шансами воспользоваться новыми правами, объемом необходимых для этого усилий (затрат, потерь), способностями к рефлексии, доступом к информации и пр.

А во-вторых, – и это положение подчеркнем особо, – мы исходим из того, **что в данном обществе и в данный момент времени у разных социальных субъектов уже имеется свой образ индивидуальной свободы**, свои жизненно важные цели и ценности, свои представления о допустимых способах их достижения и благоприятных условиях для этого (независимо от того, прогрессивно ли это с чьей-то точки зрения или нет). И тот или иной тип **социальной свободы** – будь то свобода "административно-командная" или "рыночная демократическая" – индивиды оценивают, прежде всего, как **средство реализации** своей свободы.

Прежде чем изложить сущность предлагаемого методологического подхода, договоримся о терминах. Ибо феномен свободы по природе своей весьма многогранен, а термин "свобода" от частого и разнообразного использования давно уже стал размытым и неясным. В рамках предлагаемого подхода **свобода понимается как возможность субъекта самостоятельно выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности**. Разумеется, это идеальное состояние. В действительности же речь идет о переходе либо от одной степени социальной несвободы к другой (количественный аспект), либо/и от одного смыслового образа несвободы к другому (качественный аспект), т.е. о процессе освобождения или закрепощения.

Под "**освобождением**" будем понимать процесс и результат взаимодействия индивидов (групп) с социальной средой, в ходе которого либо вследствие изменения среды (системы социальных зависимостей: социальных институтов, социальных неравенств и др.), либо благодаря собственным усилиям индивидов (групп), либо тому и другому одновременно они обретают больше возможностей для выбора и реализации жизненно важных целей и ценностей. Под "**закрепощением**" будем понимать обратный освобождению процесс, в ходе которого вследствие изменения социальной среды и, несмотря на противодействие индивидов

² Информационной базой исследования стали материалы четырех эмпирических обследований, проведенных в 1995-1999 гг. в разных типах поселений (село – малый город – крупный город) российской провинции (Новосибирская область и Алтайский край). Выборочная совокупность репрезентирует генеральную по полу и возрасту взрослого населения (1995-1996 гг.) и населения трудоспособного возраста (1997-1999 гг.).

(групп), либо из-за отсутствия по тем или иным причинам такого противодействия совсем происходит сужение возможностей для самостоятельного выбора и реализации важных целей и ценностей.

Для оценки современного трансформационного процесса в контексте свободы две ее проекции – **внутренняя** (социальный субъект *сам* оценивает уровень и динамику своей свободы) и **внешняя** (оценка динамики свободы социального субъекта делается исходя из изменений во внешней среде, независимо от того, осознает он их или нет, актуальны они для него в данный момент или нет), – были интегрированы на трех основаниях: институционально-правовой, ценностно-деятельностной и стратификационной. **Институционально-правовая ось** "задает" новые правила игры – закрепленные в новых правах (экономических и политических) внешние рамки индивидуальной свободы и допускаемые способы ее увеличения (сохранения). **Ценностно-деятельностная ось** "отфильтровывает" из этих изменений в социетальной свободе только актуальные для индивида (те изменения, которые в данный момент значимым образом сказываются на уровне индивидуальной свободы в том смысле, как он *сам* ее понимает) и "сигнализирует" о готовности индивида действовать в этом направлении. Наконец, **стратификационная ось** объединяет индивидов в группы, различающиеся реализуемыми возможностями повысить (сохранить) индивидуальную свободу (как они сами ее понимают) при данных изменениях в социетальной свободе.

При крупных переменах, подобных происходящим сейчас в российском обществе, необходимо различать два процесса: (1) провозглашенное движение к такой социетальной свободе, которая максимально приближена к западной институционально-правовой свободе; (2) движение к такой социетальной свободе, при которой все большее число членов общества (с теми целями и ценностями, которые у них имеются в данный момент и которые не изменить мгновенно) обретают все больше возможностей для развития по законам своей собственной жизнедеятельности, т.е. для увеличения индивидуальной свободы в том смысле, в каком они сами ее понимают. В реальной жизни эти процессы могут пересекаться лишь частично, а могут вообще развиваться в прямо противоположных направлениях. Как протекают эти процессы сегодня и можно ли направить их в единое русло?

Коль скоро институционализация новых прав предполагает включение индивидов в более независимые и самостоятельные социальные действия, а полная институционализация прав предполагает их интернализацию, мы не сможем распутать клубок обрисованных проблем, не ответив, по крайней мере, на два вопроса.

Прежде всего, **насколько верно** для современного российского общества, следуя западной общественной традиции, **рассматривать свободу и самостоятельность практически как синонимы, а независимость – как неперемное условие индивидуальной свободы?** Иными словами, в какой мере самостоятельность и независимость сегодня действительно присутствуют в индивидуальной свободе, точнее, в какой мере (и в каком направлении) в современных условиях они определяют ее динамику?

Второй вопрос – **действительно ли за новыми ролями (правами) скрываются именно те отношения, которые предполагает западная общественная традиция?** И если не такие, то какие? Не делают ли они новые роли (а вместе с ними и формирующуюся в России социетальную свободу) **"западными" больше по форме, чем по содержанию?** Как разные общественные группы адаптируются к тем отношениям, которые скрываются за новыми ролями, и как сказывается эта адаптация на уровне их свободы и институционализации новых прав?

Современные образы и ограничители свободы как барьеры институционализации новых прав

Исследование **динамики социальной стратификации в контексте свободы** показало, что поле индивидуальной свободы в настоящее время лежит в пространстве преимущественно **социально-экономическом**, а не политическом или юридическом. В динамику индивидуальной свободы наибольший вклад вносят (и в ближайшее время будут вносить) материальная ось (ее назвали 77% респондентов трудоспособного возраста) и ось стабильности жизненных позиций (70%). На втором месте – профессионально-трудовая и образовательная оси (54 и 58% соответственно). На третьем месте – безопасность жизни (45%), возможность получить хорошую медицинскую помощь (43%) и улучшить жилищные условия (41%).

Что касается самостоятельных и независимых от властей социальных действий и состояний (а именно они необходимы для успешной институционализации новых прав), то пока в большинстве случаев они лежат за пределами области **актуальной** социальной свободы. Ось самостоятельности значима лишь для 36% респондентов трудоспособного возраста, а противодействие несправедливым акциям руководства, рост независимости от произвола властей вообще оказались на предпоследнем месте, набрав всего 9% голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6% соответственно)³. В открытых описаниях свободного человека феномены "самостоятельность", "выбор", "независимость" присутствуют лишь у 20% респондентов, а сами термины встречаются еще реже – у 15%.

³ Подробнее об этом см.: *Шабанова М.А.* Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. М., 1997. №4. С.48–63.

Это свидетельствует о том, что говорить сегодня об индивидуальной свободе исключительно в терминах самостоятельности и независимости значит серьезно усечь имеющиеся у большинства членов российского общества образы свободного человека, перенести их в более абстрактное жизненное пространство и, в конце концов, значительно их исказить. Какими бы "неправильными" или "уродливыми" ни казались эти образы, они отражают состояние массового сознания в данных экономических и социально-политических условиях, особенности культуры, аккумулируют социальный опыт (свой и других) и пр.

В современном российском обществе *взаимосвязи индивидуальной свободы с независимостью и самостоятельностью*, в принципе, более многообразны, чем допускает западная общественная и научная традиция. Независимость, как и самостоятельность, может быть: 1) элементом свободы, 2) способом ее увеличения в данных условиях и обстоятельствах, 3) ограничителем свободы. Оказалось, что сегодня в большинстве случаев независимость и самостоятельность не рассматриваются ни как элементы индивидуальной свободы, ни как способы ее увеличения (сохранения). Зачастую они вообще не связываются с индивидуальной свободой. Так, только 30% считают, что "свободный человек тот, кто действует по собственной инициативе и на основе собственных сил", в то время как более половины (55%) придерживаются иного мнения: "Свободный человек тот, кто *сам* решает, как ему действовать – по собственной инициативе или нет, на основе собственных сил или нет".

Это означает, что в современных условиях интеграция самостоятельности и независимости со свободой возможна только в том случае, если они станут более эффективными (по сравнению с менее самостоятельными и более зависимыми социальными действиями и состояниями) способами достижения действительно важных в данный момент целей (ценностей) – в первую очередь, как мы видели, – социально-экономических. Однако в современных условиях этого чаще всего не происходит⁴. Почему?

Одна из главных причин – в закономерностях трансформации и метаморфозе ограничителей свободы в переходном обществе⁵.

В периоды глубинных общественных преобразований общее число ограничителей свободы возрастает неизбежно, при любой модели реформирования. Ибо в течение какого-то времени всегда соседствуют ограничители новые и старые, постоянные и временные, естественные и искусственные, реальные и мнимые (ложные) и др. Так, новые ограничения (например, многомесячные задержки заработной платы, сильно возросшие цены на товары первой необходимости, безработица в некогда труднедостаточных регионах, насаждение чуждых многим идей и ценностей рыночного общества, нестабильность и неопределенность, низкая безопасность существования, открытые национальные конфликты, и др.) сочетаются с унаследованными от прошлого ограничениями (например, жилищными и миграционными), которые, начав воспроизводиться преимущественно на экономической основе, для большинства населения стали еще более труднопреодолимыми, чем при административно-командной системе (по крайней мере, пока). Временные препоны переходного периода (структурная перестройка и разрушительные тенденции в экономике, отсутствие навыков действия в новых условиях, как у руководителей разного уровня, так и у рядовых работников, слабость институциональных механизмов защиты интересов как "сильных", так и "слабых" групп, и др.) часто воспринимаются постоянными ограничителями новой системы как таковой. В переходные периоды неизбежно увеличивается число мнимых ограничителей, меняются моральные, интенсифицируется "обмен" между неосознаваемыми и осознаваемыми ограничителями. Переплетаясь, разные виды ограничителей свободы в переходных и нестабильных обществах гораздо чаще усиливают друг друга, чем ослабляют.

Однако в ходе современных реформ многие ограничители свободы были усилены искусственно: их могло бы не быть или они были бы не столь существенными при реализации иной тактики социально-экономических преобразований, иной стратегии свободы и социальной защищенности как слабых, так и сильных общественных групп в условиях реформ, иной роли государства. Речь идет не только о приоритетах государства в структурной, инвестиционной и правовой политике, но и о его роли в области убеждения–разъяснения. Ведь преодолеть сложный клубок прежних, новых и "переходных" ограничителей свободы или как-то адаптироваться к ним приходится индивидам, знающим об обществе с рынком и демократией лишь понаслышке или не знающим о нем до сих пор ничего, индивидам, социализировавшимся в прежних условиях, когда были востребованными другие индивидуальные качества, усваивались иные способы решения возникающих проблем.

Другим следствием государственной политики стало уменьшение набора доступных многим социальным группам способов преодоления новых ограничителей свободы или конструктивной адаптации к ним. Большие группы индивидов столкнулись с новой системой ограничителей свободы в условиях, когда их материальное положение было существенно подорвано самими же властями (утрата сбережений на входе в реформы, задержки с выплатой заработной платы от полугода до 2–3 лет, невыполнение государством своих обязательств за данную продукцию, трудности получения кредитов и пр.).

В результате абсолютному большинству респондентов трудоспособного возраста (74%) преодолевать современные ограничители их свободы оказалось труднее, чем дореформенные; 84% указали на рост

⁴ Шабанова М.А. Свобода и независимость в меняющемся обществе: социолого-экономический аспект // Социологический журнал. М., 1996. №3/4. С.84–98.

⁵ Свобода в условиях реформ: Динамика и метаморфоза ограничений // Свободная мысль. М., 1996. №4. С. 62–72.

жизненных препятствий, которые преодолеть им (пока) не под силу, несмотря на включение в самостоятельные действия. Все это не повышает привлекательности независимости и самостоятельности как способов повышения индивидуальной свободы.

Каковы же тогда перспективы интернализации провозглашенных в ходе реформ прав? Ведь они по природе своей предполагают включение индивидов именно в самостоятельные и независимые действия и состояния. Возьмем ли мы для примера экономические права (право на создание своего дела, частную собственность на средства производства, право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию и др., право работать в нескольких местах и пр.) или акцентируем внимание на правах политических (праве на забастовку, митинги, акции протеста, вступления в разные партии, движения, свободе выражать свои взгляды и др.)... Уже простое перечисление этих прав свидетельствует о том, что все они рассчитаны на наличие у социальных субъектов стремления избавиться от прежних, административно-командных зависимостей и включиться в активные самостоятельные действия. В этом смысле относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости – даже на фоне демонстрируемой лояльности к либеральным правам, – указывает на то, что при сохранении нынешних условий эти права еще долго будут занимать второстепенное место в поле *актуальной* индивидуальной свободы или же вообще находиться за его пределами.

Рост самостоятельности несомненно произошел, но, во-первых, он в большинстве случаев пока не привел к увеличению индивидуальной свободы, являясь в большинстве случаев не добровольным, а вынужденным (57 против 25%). А во-вторых, не стал он и средством претворения в жизнь элементов новой социетальной свободы. Так, только 8% респондентов трудоспособного возраста проявили активность и, несмотря ни на что, уже воспользовались всеми важными для них правами, 19% не видят особых препятствий, просто пока не успели сделать это. В то же время многие респонденты (42%) не воспользовались важными для них правами из-за того, что у них самих нет возможностей сделать это (нет достаточных денежных накоплений, возможностей взять кредит, связей в деловом мире, и др.). Еще 24% в качестве барьера назвали отсутствие надежных правовых механизмов защиты их интересов со стороны государства (в сельской местности – 41%), 23% – уверены в том, что новые (и важные для них!) права существуют лишь "на бумаге", в действительности пока нет условий для их реализации (в сельской местности – 45%).

Проблемы институционализации и интернализации новых прав в современном адаптационном процессе

В современном адаптационном процессе сложился ряд механизмов, которые сами по себе препятствуют институционализации и интернализации новых прав⁶. Перечислим основные из них.

Механизм поддержания отчуждения от новых прав. Как оказалось, большие группы членов российского общества вообще индифферентны к новым правам и свободам. Особенно многочисленны они в сельской местности. Так, 42% опрошенных нами жителей сибирских сел признают, что их вполне устраивали прежние права и *никакие* из новых свобод (будь то социально-экономические, социально-политические или гражданские свободы) для них незначимы. Те или иные составляющие новой институционально-правовой свободы, если и представляются важными, то относительно небольшим группам сельского населения: от 6% (право свободного вступления в разные партии и движения) до 29% (право приватизировать жилье)⁷.

Тех, кого новые права не привлекали "на входе в реформы", они в большинстве случаев не привлекают и сейчас. Жизнь не убедила их в обратном. Напротив, многие из них, наблюдая за неблагоприятными последствиями обращения к новым правам своих сограждан, односельчан, знакомых (будь то фермерство, предпринимательство в других отраслях производственной сферы или открытое противодействие несправедливым действиям своего руководителя), окончательно убедились в правильности своего начального выбора. Процесс отчуждения от новых прав и свобод усиливается и отрицательной реакцией на то, что сегодня происходит вокруг этих прав и в их обход, но по тем или иным причинам приписывается природе новых прав и свобод как таковых. Противоположное движение по интернализации новых прав теми, кого изначально они не привлекали и кто включился в них вынужденно, наблюдается редко, и в основном в крупных многофункциональных городах. Но даже там этот процесс пока настолько слаб, что говорить о нем как о тенденции еще рано.

⁶ Шабанова М.А. Социологическая концепция трансформации свободы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 168–204. Шабанова М.А. Добровольные и вынужденные адаптации // Свободная мысль. М., 1998. № 1. С. 34–45; Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. М., 1995. №9. С. 81–88.

⁷ Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Политич. исслед. 1996. № 6. С. 52–64. Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3–32.

Механизм отложенного спроса на новые права. В принципе важные для части социальных субъектов новые права отодвигаются на второй план из-за тех условий, в которых индивиды оказались в ходе реформ. Так, право свободно ездить за границу и беспрепятственно возвращаться обратно, в принципе, значимо для весьма многочисленной группы членов российского общества, особенно для городских жителей (38% против 16% у селян). Но не получая заработную плату от полугода до 3 лет и в одночасье лишившись с началом реформ всех сбережений, многие из них потеряли куда более актуальное для них право свободно перемещаться по территории своей страны и даже ту ограниченную свободу выбора места жительства, которую они имели при административно-командной системе. В своеобразных "территориальных ловушках" оказались жители многих северных, монофункциональных городов и поселков, а также сельские жители. Последние не только не обрели возможность поехать за рубеж, но и в большинстве своем (60%) лишились более значимого права – поехать в близлежащий райцентр или город (к детям, врачу, за покупками). Получив ранее актуальное для многих право без разрешения работать в нескольких местах, жители монофункциональных городов, поселков и сел и на одно-то не могут устроиться. Большая часть работающего населения повсеместно лишилась права на **оплачиваемый** (своевременно и деньгами, а не товарами) труд, что сказалось на нарушении многих других значимых прав. В этих условиях большие группы населения чувствуют себя еще более бесправными, чем прежде, и если находят новые права в принципе важными, то только в том жизненном пространстве, которое очень удалено от жизни, которой они сегодня живут.

Механизм неправовой реализации новых прав. Те, кто дорожит новыми правами и пытается во что бы то ни стало уже сегодня их реализовать, вынуждены все чаще вступать в неправовые отношения (односторонние и двусторонние, антагонистические и солидаристические) с властями, правоохранительными органами, преступными элементами и пр.⁸. Ибо новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безответственности и безнаказанности властей разного уровня, роста преступности и пр.

Механизм разочарования в новых правах из-за недопонимания их природы. Некоторые социальные субъекты воспользовались новыми правами только потому, что не предвидели последующих трудностей и ограничений, которые внутренне свойственны этим правам. Так, многие сельские жители, приватизировав жилье, лишились весьма значимой в сельской местности помощи в его ремонте, жители удаленных от городов сел столкнулись с невозможностью его продажи и пр. Разочарованы и те, кто рассчитывал обрести новые права, но не потерять старых гарантий, ибо это не всегда возможно.

Механизм воспроизводства "западных" прав на административно-командной основе. Новые права часто утверждаются и отстаиваются старыми способами – на основе унаследованных от административно-командной системы моделей отношений в проблемных ситуациях (т.е. не посредством взаимоотношений равноправных субъектов, а на основе личных договоренностей (улаживаний), когда одна сторона "просит", "умоляет", "подносит", а другая – "соизволяет", "делает милость", "повелевает", "постановляет"). К тому же властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав и весьма преуспели в навязывании прежних моделей вертикальных отношений в новых условиях. В настоящее время из 89 регионов 79 – дотационные, так что губернаторы, как и прежде, вынуждены приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам "на поклон"⁹.

Таким образом, в современных условиях для большинства социальных групп обращение к новым правам либо вообще не стало способом конструктивной адаптации к новой среде, либо, если и стало, приводит к формированию на социальном уровне такой свободы, которая по сущностным признакам отклоняется от западной. Из всего многообразия современных ограничителей свободы (и тех социальных отношений, которые они задают) в настоящее время наиболее сильными оказываются отнюдь не те, которые свойственны природе новых прав. Напротив, эти ограничители, цементирующие западный тип социальной свободы, в российских условиях легко нарушаются, а неправовое социальное пространство для многих групп уже стало более реальным, чем правовое, административно-командные и неправовые ограничители доминируют.

Институционализируясь в таких условиях, "западные" права обретают "незападное" качество. За новой системой социальных ролей сегодня часто стоят такие отношения и процессы, которые по своей природе противоположны тем, которые должны были бы логически вытекать из изменения социальной свободы по западному образу и подобию.

В самом деле, установление новых прав означало, что государство больше не регламентирует многое из того, что регламентировало в прежних (административно-командных) условиях. Однако ослабление одного вида зависимости сопровождалось усилением другого, менее предпочтительного, по признанию многих респондентов. В результате независимость рядовых членов российского общества от государства не только не

⁸ Шабанова М.А. Современный трансформационный процесс и "неправовая свобода" // Общество и экономика: социальные проблемы трансформации. Сборник научных докладов к XIV Конгрессу Всемирной Социологической Ассоциации / Под ред. А.Р. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998. С.20–34. Шабанова М.А. "Неправовая свобода" и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. №11.

⁹ Шабанова М.А. Социологическая концепция трансформации свободы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 168–204.

увеличилась, а наоборот, уменьшилась. В настоящее время государство просто не защищает им же провозглашенные права, и даже само систематически нарушает их. Причем безнаказанность разного уровня властей в нарушении прав рядовых социальных групп за годы реформ существенно возросла. Государство будто бы говорит своим гражданам: "Я не защищаю ваши права и даже нарушаю их, а вы уж как-нибудь справляйтесь с этим сами – ведь если я вам помогу, то это убавит у вас независимости!"

Отсутствие надежных институциональных противовесов произволу властей проявляется и на уровне поселения, и на уровне предприятия (организации), независимо от формы собственности. Конкретные формы проявления антагонистической односторонней зависимости рядовых работников от руководителей многообразны. Со стороны руководителей это – игнорирование сигналов снизу ("пренебрежение", "равнодушие", "нежелание выслушать", "невнимательность"), невыплата заработной платы, даже тогда, когда имеются деньги, использование угроз ("угрожают", "подчиняют", "задавливают", "притесняют", "обещают уволить, если что-то попытаюсь добиваться") и др. Со стороны рядовых работников – преобладание пассивных моделей адаптации над активными, отказ от использования законных прав и свобод, воспроизводство социальных отношений на более зависимой (бесправной), чем в дореформенный период, основе.

Так, все большее число работников в случае болезни не берет больничных листов (в некоторых поликлиниках больничных листов выдается в 10 раз меньше, чем несколько лет назад, по утверждению врачей, обращений к ним стало меньше, а запущенных больных больше¹⁰). Многие предпочитают не отстаивать значимые для них (и законные!) права (в области условий, безопасности, режима и оплаты труда, отдыха, социального обеспечения и др.), лишь бы не портить отношений с руководством: "Сегодня приходится чаще держать язык за зубами, чтобы не потерять работу", "Нужно уступать в чем-то, чтобы не уволили", "Пришлось стать менее искренней, приспособливаться к начальству" – вот типичные ответы респондентов. В этих условиях многие из новых свобод (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов¹¹.

В настоящее время самостоятельное решение проблем зачастую распространяется и на те сферы, где оно всецело находится в компетенции властей и в принципе не должно было бы быть самостоятельным. Из-за неспособности или нежелания властей защищать права рядовых социальных групп последние вынуждены сами искать те или иные способы адаптации (активной или пассивной) к этой ситуации. Самый распространенный способ восстановления законных прав, как считают 40% опрошенных, – деньги ("Все продается и покупается"), еще 16% указали на силу, угрозу расправы. На обращение к законам как способу восстановления нарушенных прав сегодня уповает лишь 13% респондентов, на приказы и распоряжения властей – 10%, на забастовки и другие протестные действия, разрешенные законом, – 7%. Те, у кого нет ни денег, ни силы, ни связей вообще, не предпринимают никаких действий по отстаиванию своих прав. В сельской местности эта группа достигает 59%: именно столько респондентов считают, что в случае ущемления прав лично им никто не поможет отстоять их, а сами они тоже не смогут сделать это.

Как показали обследования, более частое нарушение правовых и моральных норм вообще становится одним из основных видов адаптивного поведения населения в новых условиях. Мелкие хищения с производства, с совхозного поля, стройки основной частью (65%) респондентов не осуждаются: "Нечем кормить детей, с голоду им, что ли, помирить?!"; "Рабочего не осуждаю, а начальство – осуждаю: они не за кусок хлеба тянут"; "Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут". Отклонение от правовых установлений, законов, конечно, было и прежде. Но оно было, во-первых, не в столь больших масштабах, а во-вторых, не в столь открытой форме. Как то, так и другое повышает внутренний дискомфорт у больших групп населения (по крайней мере, у половины) и ставит заново проблему социальной адаптации к этой ситуации. Не случайно многие респонденты (41%) хотят, чтобы их дети и внуки не испытывали этого "комплекса вины", критически относились к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо "законные решения редко решают человеческие проблемы". Иными словами, отклонение от правовых норм само по себе уже превращается в норму, проникает в институты социализации молодого поколения¹². Идет институционализация неправовой свободы.

Под *"неправовой свободой"* понимается возможность одних индивидов (групп) беспрепятственно (и безнаказанно) достигать своих целей за счет нарушения прав других, путем несоблюдения провозглашенных в данном обществе правовых норм. "Беспрепятственность (и безнаказанность)" в осуществлении противоправных действий – категории относительные; в данном случае они означают, что по тем или иным причинам (которые мы пока оставим в стороне) несоблюдение правовых норм позволяет индивидам (группам) достигать своих целей с меньшими совокупными издержками (и препятствиями), чем следование этим нормам. То есть если субъекты при этом и несут определенные потери, в том числе и морально-психологические (ведь

¹⁰ Шабанова М.А. Социологическая концепция трансформации свободы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 168–204.

¹¹ Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3–32.

¹² Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3–32.

нарушаемые нормы могут в принципе цениться индивидами и не соблюдаться вынужденно), то они все же уступают получаемым приобретениям (более значимым и жизненно необходимым). **Институционализация неправовой свободы** означает превращение ее в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормами (привычными образцами) поведения больших групп индивидов и постепенно интернализируется ими¹³.

В сложившихся условиях в **желаемом** образе социетальной свободы как у сторонников, так и у противников "западной" институционально-правовой свободы важное место отводится усилению роли государства (хотя разные группы понимают эту роль по-разному).

Выводы

Судя по набору важнейших стратификационных шкал, доминирующим образам индивидуальной свободы и действительным изменениям в системе социальных отношений, которые скрываются за новыми экономическими и неэкономическими ролями, **в настоящее время имеется (и в перспективе сохранится) существенный разрыв между: а) провозглашенным движением к западной институционально-правовой свободе и б) продвижением российского общества к более свободному (как это понимают большие группы его членов).** В принципе, большие группы и слои российского общества сегодня находятся в таких условиях, что способны почувствовать себя более свободными и без необходимых атрибутов западной свободы или в самом начале пути к их утверждению. В этом смысле либерализм (особенно в его классической версии, какую пытались реализовать отечественные реформаторы) пока не является единственным (и тем более неизбежным) путем перехода российского общества к более свободному (как понимают свободу большие группы его членов). По крайней мере, в ближайшей перспективе.

Отрицательная динамика индивидуальной (групповой) свободы чаще всего наблюдается вовсе не потому, что все более прочные позиции занимает западная социетальная свобода. Проверка западной свободой – дело будущего и, судя по всему, весьма отдаленного. Принимая во внимание бессилие и безучастность государства, ослабление институционально-правовой и разрушение производственной систем страны за годы реформ, можно признать, что сегодня у российского общества шансов продвинуться к западной институционально-правовой свободе стало еще меньше, чем это было в начале реформ.

Несмотря на, казалось бы, бесспорное продвижение к западной институционально-правовой свободе (насколько можно судить по изменениям в ролевой системе общества), подлинной либерализации общественных отношений в России не произошло. **Несоответствие между разными уровнями социетальной свободы (декларированным, желаемым и реализуемым) велико, и при сохранении существующих условий будет усиливаться**¹⁴. В ходе нынешних реформ большие группы лишились первостепенных социально-экономических прав, и в этих условиях им либо вообще нет дела до "западных" прав, либо они, хотя и желаемы, но не доступны¹⁵.

Тем не менее и в настоящее время на **ценностно-деятельностном уровне** пока сохраняется потенциал и для интернализации западных прав, и для роста самостоятельности как самоценного состояния и способа увеличения (сохранения) индивидуальной свободы. Как показали обследования, еще далеко не все желающие воспользовались новыми правами и далеко не все из числа воспользовавшихся ими имеют возможность отстаивать новые права законными способами. Так что сегодня велика доля тех, кто включается в неправовые действия вынужденно и испытывает от этого внутренний дискомфорт и напряженность¹⁶. В то же время более половины респондентов во всех типах поселений отметили, что комфортнее чувствуют себя тогда, когда имеют возможность действовать самостоятельно, обходиться без помощи других людей и не зависеть от кого-либо. Даже среди проживающих в сельской местности 88% респондентов предпочли, чтобы их дети в новых условиях были бы самостоятельными, стремились всего достичь собственными силами и не зависеть от кого-либо.

Будут ли в перспективе в своих самостоятельных социальных действиях по адаптации к новым условиям и повышению (сохранению) своей свободы разные группы активнее обращаться к новым правам, покажет время. При сохранении существующих условий ценностно-деятельностный потенциал для интернализации новых прав так и останется нереализованным, а потенциал для роста самостоятельности, если и реализуется, то, вероятнее всего, в неправовом социальном пространстве, способствуя дальнейшему воспроизводству **институционально-Неправовой свободы**.

¹³ Шабанова М.А. Современный трансформационный процесс и "неправовая свобода" // Общество и экономика: социальные проблемы трансформации. Сборник научных докладов к XIV Конгрессу Всемирной Социологической Ассоциации / Под ред. А.Р. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998. С. 20–34. Шабанова М.А. "Неправовая свобода" и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. №11.

¹⁴ Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Политич. исслед. 1996. № 6. С. 52–64. Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3–32.

¹⁵ Шабанова М.А. Социологическая концепция трансформации свободы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 168–204.

¹⁶ Шабанова М.А. Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. – С.3–32.